

Библиотека Всемирной Литературы

ОСКАР УАЙЛЬД

Портрет Дориана Грея.
Исповедь. Пьесы. Сказки

Оскар Уайльд

**Преступления лорда
Артура Сэвила**

«Public Domain»

Уайльд О.

Преступления лорда Артура Сэвила / О. Уайльд — «Public Domain»,

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Оскар Уайльд

Преступления лорда Артура Сэвила

Этюд о чувстве долга

Глава первая

Леди Уиндермир давала последний прием перед Пасхой, и ее дом, Бентик-хаус, был заполнен до отказа. Шесть министров явились в орденх и лентах прямо с приема у парламентского спикера, светские красавицы блистали изящнейшими туалетами, а в углу картинной галереи стояла принцесса София из Карлсруэ – грузная дама с роскошными изумрудами и крохотными черными глазками на скуластом татарском лице; она очень громко говорила на скверном французском и неумеренно хохотала в ответ на любую адресованную ей реплику. Как все здесь чудесно перемешалось! Сиятельные леди запросто болтали с воинствующими радикалами, прославленные проповедники по-приятельски беседовали с известными скептиками, стайка епископов порхала из зала в зал вслед за дебелой примадонной, на лестнице стояли несколько действительных членов Королевской академии, маскирующихся под богему, и прошел слух, что столовая, где накрыли ужин, просто переполнена гениями. Без сомнения, это был один из лучших вечеров леди Уиндермир, и принцесса задержалась почти до половины двенадцатого.

Как только она уехала, леди Уиндермир вернулась в картинную галерею, где знаменитый экономист серьезно и обстоятельно разъяснял научную теорию музыки негодующему виртуозу из Венгрии, и заговорила с герцогиней Пейзли.

Как хороша была хозяйка вечера! Белизна ее точеной шеи, незабудковая синева глаз и золото волос не могли не вызывать восхищения. То было и в самом деле *or pur*,¹ а не бледно-желтый цвет соломы, который ныне смеют сравнивать с благородным металлом, то было золото, вплетенное в солнечные лучи и упрятанное в таинственной толще янтаря; в золотом обрамлении ее лицо светилось, как лик святого, но и не без магической прелести греха. Она являла собой интересный психологический феномен. Уже в юности она познала ту важную истину, что опрометчивость и легкомыслие чаще всего принимаются за невинность. За счет нескольких дерзких проделок – большей частью, впрочем, совершенно безобидных – она приобрела известность и уважение, подобающие видной личности. Она не раз меняла мужей (согласно справочнику Дебретта, их у нее было три), но сохранила одного любовника, и потому пересуды на ее счет давно прекратились. Ей недавно исполнилось сорок, она была бездетна и обладала той неумейной жадой удовольствий, которая единственно и продлевает молодость.

Вдруг она нетерпеливо огляделась и проговорила своим чистым контральто:

– Где мой хиромант?

– Кто-кто, Глэдис? – вздрогнув, воскликнула герцогиня.

– Мой хиромант, герцогиня. Я теперь жить без него не могу.

– Глэдис, милая, ты всегда так оригинальна, – пробормотала герцогиня, пытаясь вспомнить, что такое хиромант, и опасаясь худшего.

– Он навещает мою руку два раза в неделю, – продолжала леди Уиндермир, – и извлекает из нее интереснейшие вещи.

¹ *Or pur* – чистое золото (фр.).

– О Боже! – едва слышно произнесла герцогиня. – Значит, он что-то вроде мозольного оператора. Какой кошмар. Надеюсь, он, по крайней мере, иностранец. Это было бы еще можно понять.

– Я непременно должна вас познакомить.

– Познакомить! – вскричала герцогиня. – Он что же, здесь? – Она принялась искать глазами свой черепаховый веер и весьма потрепанную кружевную накидку, с тем чтобы, если потребуется, ретироваться без промедления.

– Разумеется, он здесь. Какой же прием без него! Он говорит, что у меня богатая, одухотворенная рука и что если бы большой палец был чуточку короче, то я была бы меланхолической натурой и пошла в монастырь.

– Ах, вот что. – У герцогини отлегло от сердца. – Он гадает!

– И угадывает! – подхватила леди Уиндермир. – И так ловко! Вот в будущем году, например, меня подстерегает большая опасность и на суше и на море, так что мне придется жить на воздушном шаре, а ужин мне по вечерам будут поднимать в корзине. Это все написано на моем мизинце – или на ладони, я точно не помню.

– Ты искушаешь провидение, Глэдис.

– Милая герцогиня, я уверена, что провидение давно научилось не поддаваться искушению. По-моему, каждый должен ходить к хироманту хотя бы раз в месяц, чтобы знать, что ему можно и чего нельзя. Потом мы, конечно, делаем все наоборот, но как приятно знать о последствиях заранее! Если кто-нибудь сейчас же не отыщет мистера Поджерса, я пойду за ним сама.

– Позвольте мне поискать, леди Уиндермир, – сказал высокий красивый молодой человек, который в продолжение всего разговора стоял, улыбаясь, рядом.

– Спасибо, лорд Артур, но вы же его не знаете.

– Если он такой замечательный, как вы рассказываете, леди Уиндермир, я его ни с кем не спутаю. Опишите его внешность, и я сию же минуту приведу его к вам.

– Он совсем не похож на хироманта. То есть в нем нет ничего таинственного, романтического. Маленький, полный, лысый, в больших очках с золотой оправой – нечто среднее между семейным доктором и провинциальным стряпчим. Сожалею, но я, право, не виновата. Все это очень досадно. Мои пианисты страшно похожи на поэтов, а поэты на пианистов. Помню, в прошлом сезоне я пригласила на обед настоящее чудовище – заговорщика, одного из тех, кто взрывает живых людей, ходит в кольчуге, а в рукаве носит кинжал. И что бы вы думали? Он оказался похожим на старого пастора и весь вечер шутил с дамами. Он был очень остроумен и все такое, но представьте, какое разочарование! А когда я спросила его о кольчуге, он только рассмеялся и ответил, что в Англии в ней было бы холодно. А вот и мистер Поджерс! Сюда, мистер Поджерс. Я хочу, чтобы вы погадали герцогине Пейзли по руке. Герцогиня, вам придется снять перчатку. Нет, не левую, а другую.

– Право, Глэдис, это не вполне прилично, – проговорила герцогиня, нехотя расстегивая отнюдь не новую лайковую перчатку.

– То, что интересно, всегда не вполне прилично, – парировала леди Уиндермир. – *On a fait le monde ainsi.*² Но я должна вас познакомить. Герцогиня, это мистер Поджерс, мой любимый хиромант. Мистер Поджерс, это герцогиня Пейзли, и если вы скажете, что бугор луны у нее больше, чем у меня, я вам уже никогда не буду верить.

– Глэдис, я уверена, что у меня на руке нет ничего подобного, – с достоинством произнесла герцогиня.

– Вы совершенно правы, ваша светлость, – сказал мистер Поджерс, взглянув на пухлую руку с короткими толстыми пальцами, – бугор луны не развит. Но линия жизни, напротив, видна превосходно. Согните, пожалуйста, кисть. Вот так, благодарю вас. Три четкие линии на

² *On a fait le monde ainsi* – так уж устроен мир (фр.).

сгибе! Вы доживете до глубокой старости, герцогиня, и будете очень счастливы. Честолюбие... весьма скромно, линия интеллекта... не утрирована, линия сердца...

– Говорите все как есть, мистер Поджерс! – встала леди Уиндермир.

– С превеликим удовольствием, мадам, – сказал мистер Поджерс и поклонился, – но увы, герцогиня не дает повода для пространных рассказов. Я вижу редкое постоянство в сочетании с завидным чувством долга.

– Продолжайте, прошу вас, мистер Поджерс, – произнесла герцогиня с довольным видом.

– Не последнее из достоинств вашей светлости – бережливость, – продолжал мистер Поджерс, и леди Уиндермир прыснула со смеху.

– Бережливость – прекрасное качество, – удовлетворенно проговорила герцогиня. – Когда я вышла за Пейзли, у него было одиннадцать замков и ни одного дома, пригодного для жизни.

– А теперь у него двенадцать домов и ни одного замка! – отозвалась леди Уиндермир.

– Видишь ли, милая, я люблю...

– Комфорт, – произнес мистер Поджерс, – удобства и горячую воду в каждой спальне. Вы совершенно правы, ваша светлость. Комфорт – это единственное, что может нам дать цивилизация.

– Вы чудесно отгадали характер герцогини, мистер Поджерс. Теперь погадайте леди Флоре. – Повинуясь знаку улыбающейся хозяйки, из-за дивана неловко выступила высокая девушка с острыми лопатками и рыжеватыми волосами того оттенка, который столь характерен для шотландцев; она протянула худую, длинную руку с крупными и как бы приплюснутыми пальцами.

– А, пианистка! Вижу, вижу, – сказал мистер Поджерс. – Превосходная пианистка, хотя вряд ли музыкант по профессии. Замкнута, честна, очень любит животных.

– Сущая правда! – воскликнула герцогиня, обращаясь к леди Уиндермир. – Флора держит в Макклоски две дюжины овчарок колли. Она бы и наш дом в Лондоне превратила в зверинец, если б только отец позволил.

– Со своим домом я это проделываю каждый четверг, – рассмеялась леди Уиндермир, – вот только овчаркам предпочитаю львов, правда, светских.

– И это, наверное, единственный случай, когда вы ошибаетесь, леди Уиндермир, – сказал мистер Поджерс, кланяясь с напыщенным видом.

– Женщина без милых ошибок – это не женщина, а просто особа женского пола. Но погадайте нам еще. Сэр Томас, покажите вашу руку.

Добродушного вида пожилой джентльмен в белом жилете протянул большую шершавую руку с весьма длинным средним пальцем.

– Непоседливый нрав; четыре дальних путешествия в прошлом, одно еще предстоит. Трижды попадал в кораблекрушение. Нет-нет, дважды, но рискует попасть в следующем путешествии. Убежденный консерватор, весьма пунктуален, страстный коллекционер. Тяжело болел в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет. В тридцать унаследовал крупное состояние. Питает отвращение к кошкам и радикалам.

– Поразительно! – вскричал сэр Томас. – Вы непременно должны погадать моей жене.

– Вашей второй жене, – уточнил мистер Поджерс, все еще не выпуская из рук пальцы сэра Томаса. – С превеликим удовольствием.

Но леди Марвел – меланхоличная дама с каштановыми волосами и сентиментальными ресницами – наотрез отказалась предавать гласности свое прошлое и будущее, а русский посол мосье де Колов не пожелал даже снять перчатки, несмотря на все увещания леди Уиндермир. Да и многие другие побоялись предстать перед забавным человечком с шаблонной улыбкой, очками в золотой оправе и пронизательными глазами-бусинками; а уж когда он сказал бедной леди Фермор – прямо здесь, пред всеми, – что она равнодушна к музыке, зато очень любит

музыкантов, никто более не сомневался, что хиромантия – крайне опасная наука и поощрять ее не следует, кроме как *tkte-a-tkte*.³

Однако лорду Артуру Сэвилу, который ничего не знал о конфузе, случившемся с леди Фермор, и с немалым интересом наблюдал за мистером Поджерсом, чрезвычайно захотелось, чтобы ему тоже погадали, но, не решаясь громко заявить о своем желании, он подошел к леди Уиндермир и, очаровательно покраснев, спросил, удобно ли, по ее мнению, побеспокоить мистера Поджерса.

– Ну разумеется! – сказала леди Уиндермир. – Он здесь именно для того, чтобы его беспокоили. Все мои львы, лорд Артур, – это львы-артисты; по первому моему слову они прыгают через обруч. Но я вас предупреждаю, что ничего не стану утаивать от Сибиллы. Я жду ее завтра к обеду – нам надо поболтать о шляпках, и, если мистер Поджерс выяснит, что у вас дурной нрав, или склонность к подагре, или жена где-нибудь в Бейсуотере, я ей непременно все передам.

Лорд Артур улыбнулся и покачал головой.

– Я не боюсь. Сибилла обо мне все знает, как и я о ней.

– В самом деле? Право, мне вас немного жаль. Взаимные иллюзии – вот лучшая основа для брака. Нет-нет, я не цинична, просто у меня есть опыт – впрочем, это одно и то же. Мистер Поджерс, лорд Артур Сэвил мечтает, чтоб вы ему погадали. Только не говорите, что он обручен с одной из милейших девушек в Лондоне: об этом «Морнинг пост» сообщила еще месяц тому назад.

– Леди Уиндермир, душечка, – воскликнула маркиза Джедберг, – пусть мистер Поджерс еще немного побудет. Он только что сказал, что меня ждут подмости – как интересно!

– Если он вам такое сказал, леди Джедберг, я заберу его от вас сию же секунду. Сюда, мистер Поджерс. Погадайте лорду Артуру.

– Что ж, – леди Джедберг состроила обиженную гримасу и поднялась с дивана, – если мне нельзя на сцену, разрешите, по крайней мере, быть зрителем.

– Разумеется. Мы все будем зрителями, – объявила леди Уиндермир. – Итак, мистер Поджерс, сообщите нам что-нибудь приятное. Лорд Артур – мой любимец.

Но, взглянув на руку лорда Артура, мистер Поджерс странно побледнел и не произнес ни слова. Он зябко поежился, и его кустистые брови импульсивно и странно задергались, как это случалось, когда он был в растерянности. На желтоватом лбу мистера Поджерса появились крупные бусинки пота, словно капли ядовитой росы, а его толстые пальцы сделались влажными и холодными.

Лорд Артур не мог не заметить эти признаки смутения и сам – впервые в жизни – почувствовал страх. Ему захотелось повернуться и бежать, но он сдержал себя. Лучше знать все, даже самое ужасное. Невыносимо оставаться в неведении.

– Я жду, мистер Поджерс, – сказал он.

– Мы все ждем! – нетерпеливо воскликнула леди Уиндермир, но хиромант по-прежнему молчал.

– Артуру, наверное, суждено играть на сцене, – предположила леди Джедберг, – но вы были так строги с мистером Поджерсом, что он теперь боится сказать ему об этом.

Внезапно мистер Поджерс отпустил правую руку лорда Артура и схватил левую, склонившись над ней так низко, что золотая оправа его очков почти коснулась ладони. На мгновение его побелевшее лицо превратилось в маску неподдельного ужаса, но вскоре *sang-froid*⁴ возвратилось к нему и он, повернувшись к леди Уиндермир, произнес с деланной улыбкой:

– Передо мной рука очаровательного молодого человека.

³ *Tkte-a-tkte* – с глазу на глаз (фр.).

⁴ *Sang-froid* – хладнокровие (фр.).

– Это ясно, – ответила леди Уиндермир. – Но будет ли он очаровательным мужем? Вот что я хочу знать.

– Как и все очаровательные молодые люди, – сказал мистер Поджерс.

– По-моему, муж не должен быть слишком обворожительным, – в задумчивости проговорила леди Джедберг. – Это опасно.

– Дитя мое, – воскликнула леди Уиндермир, – муж никогда не бывает слишком обворожителен! Но я требую подробностей. Только подробности интересны. Что ждет лорда Артура?

– Гм, в течение ближайших месяцев лорд Артур отправится в путешествие...

– Ну разумеется, в свадебное!

– И потеряет одного из родственников.

– Надеюсь, не сестру? – жалостливо спросила леди Джедберг.

– Нет, безусловно не сестру, – возразил мистер Поджерс. – Кого-то из дальней родни.

– Что ж, я безумно разочарована, – заявила леди Уиндермир. – Мне абсолютно нечего рассказывать завтра Сибилле. Дальняя родня теперь никого не волнует – она давно уже вышла из моды. Впрочем, пусть Сибилла купит черного шелку – он хорошо смотрится в церкви. А теперь ужинать. Там, конечно, давно все съели, но нам, быть может, подадут горячий суп. Когда-то Франсуа готовил отменный суп, но теперь он так увлекся политикой, что я уже и не знаю, чего от него и ждать. Скорее бы уgomонился этот генерал Буланже.⁵ Герцогиня, вы не устали?

– Вовсе нет, милая Глэдис, – отозвалась герцогиня, вперевалку идя к двери. – Я получила огромное удовольствие, и этот твой ортодонт, то бишь хиромант, весьма интересен. Флора, где мой черепаховый веер? Ах, спасибо, сэр Томас. А моя кружевная накидка. Флора? Благодарю вас, сэр Томас, вы очень любезны. – И сия достойная дама спустилась наконец по лестнице, уронив свой флакон с духами не более двух раз.

В продолжение всего этого времени лорд Артур Сэвил стоял у камина, объятый неодолимым страхом, являющей душу тревогой перед безжалостным роком. Он грустно улыбнулся сестре, когда та пропорхнула мимо в прелестной розовой парче и жемчугах, легко опершись на руку лорда Плимдейла, и словно во сне слышал, как леди Уиндермир пригласила его следовать за собой. Он думал о Сибилле Мертон – и при мысли, что их могут разлучить, его глаза затуманились от слез.

Глядя на него, можно было подумать, что Немезида, похитив щит Афины, показала ему голову Медузы Горгоны.⁶ Он словно окаменел, а меланхолическая бледность сделала его лицо похожим на мрамор. Сын знатных и богатых родителей, до сих пор он знал лишь жизнь, полную чудесной роскоши и тонкого изящества, жизнь по-мальчишески беспечную, начисто лишенную презренных забот; теперь – впервые – он прикоснулся к ужасной тайне бытия, ощутил трагическую неотвратимость судьбы.

Чудовищно, невероятно! Неужели на его руке начертано тайное послание, которое расшифровал этот человек, – предвестие злодейского греха, кровавый знак преступления? Неужели нет спасения? Или мы в самом деле всего лишь шахматные фигуры, которые незримая сила передвигает по своей воле, – пустые сосуды, подвластные рукам гончара и созданные для славы и для позора? Разум восставал против этой мысли, но лорд Артур чувствовал близость ужасной трагедии, словно вдруг на него взвалили непосильную ношу. Хорошо актерам! Они выбирают, что играть, – трагедию или комедию, сами решают, страдать им или веселиться, лить слезы или хохотать. Но в жизни все не так. В большинстве своем мужчины и женщины

⁵ Жорж Буланже (1837–1891) – французский генерал, в 1886–1887 гг. военный министр.

⁶ Сын Зевса и Данаи Персей отрубил голову Медузе Горгоне, после чего отдал ее Афине, которая прикрепила ее на свой щит – эгиду.

вынуждены играть роли, для которых они совсем не подходят. Наши Гильденстерны играют Гамлета, а наши Гамлеты паясничают, как принц Хэл.⁷

⁷ Принц Хэл (1387–1422) – принц Уэльский, впоследствии король Генрих V, персонаж пьесы Шекспира «Генрих IV»; в молодости был повесой и гулякой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.